

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ...

Ролан БЫКОВ:

ВО ВСЕМ ИЩУ ИСТОКИ...

С ИЗВЕСТНЫМ актером и режиссером Роланом Антоновичем Быковым мы встретились в последний съемочный день его новой картины «Автомобиль, скрипка и собака Клякса» на киностудии «Мосфильм». Наблюдая, как режиссер работает с четырехлетним героем, я подумала, что не так часто судьба счастливо сводит детей с режиссером, влюбленным в стихию детства. Так сам по себе и родился мой первый вопрос:

— Ролан Антонович, почему героями ваших фильмов стали дети?

— Я во всем ищу истоки, а детство — это исток человеческой личности, и я влюблен в детство. И чем дальше удаляюсь от него, тем больше возникает желание вернуться к нему в искусстве. Мне кажется, что все самое лучшее, что есть в человеке, его сердечное, нравственное начало, остается от детства на всю жизнь. Потому что в детстве очень сильна энергия постижения. Ребенок за год учится ходить, разговаривать. Он может выучить любой язык. Ребенок много видит, много впитывает в себя.

В гениальных людях эта энергия сохраняется.

Ребенок очень интересно видит мир: он видит мир лично, не стерто, не стереотипно. И то, что остается от этого восприятия во взрослом возрасте, создает особое свечение человека.

Ребенок обостренно эмоционален: он бывает очень гневен, очень страстен, очень самопожертвенен. Это все остается в человеческой любви. Ребенок античен: он и воин, и гражданин, и исследователь. Он — человек искусства, потому что в основе всякого искусства заключена игра... И мне кажется, что разносторонность, которую многие с возрастом подчас теряют, сохраняется у гармоничных, так называемых, «интересных» людей.

Я не абсолютизирую детство. Из кого вырастают «плохие» взрослые? Из «плохих» детей. Ведь в детях достаточно сильно развито и варварство, стихия разрушения, стихия эгоистического «я». При иных условиях и это может остаться в человеке на всю жизнь, так же как и гениальность.

— Мне говорили, Ролан Антонович, что вы имеете редкую для режиссера награду — значок «Отличник народного просвещения». После фильма «Внимание, черепаха!» педагоги признали вас своим...

— Считаю своей прямой задачей помогать педагогам. В школе детям объясняют, что $2 \times 2 = 4$, что человек произошел от обезьяны. А вот, что любить, кого не любить, что в жизни должно нравиться, что не нравится, — это часто могут и не объяснить без помощи искусства. Я очень взволнован тем обстоятельством, что нынешние дети много ду-



Только что Ролан Быков отснялся в очередном эпизоде своего нового фильма, и вот уже в его руках режиссерский мегафон...

мают, но мало чувствуют. Именно поэтому я во всех своих работах ищу необычное. Ведь привычное, обыденное, как мне кажется, не воздействует на сегодняшнего подростка, сегодняшнего зрителя. Без зрелищности, без праздничности, без новизны в кино просто делать нечего. В этом моем стремлении заключена не только задача передать радостное ощущение жизни, но и желание быть понятым, быть услышанным.

Понять, как надо учить, очень трудно. Мне самому очень повезло с педагогами, которые любимы на всю жизнь. Хотелось бы думать, что я продолжаю их дело и я чувствую к ним большую благодарность.

— Как вы относитесь к термину «фильм для детей»?

— Это термин определенный, но важна не разница между «детским» и «взрослым» кино, а то, что их объединяет. Делить зрителя на детского и взрослого — не значит ли это разделить то, что есть в ребенке,

и то детское, что есть во взрослом? Есть фильмы талантливые и бездарные, нужные и ненужные. Как и книги, впрочем.

— Можете ли вы определить жанр своих картин?

— Думаю, что искусство условно разделено на жанры, на виды. — посмотрите, оно идет сейчас к тому же, к чему пришла за многие века человеческая речь. Сами того не замечая, мы говорим в любом «стиле»: напеваем, жестикулируем, чтобы лучше объяснить, иногда молчим, чтобы быть понятыми. Так же свободно можно объясняться посредством искусства. Оно может быть всеобразно. Любые виды, жанры, формы искусства способны выразить то, чем живет человек: и его горе, и его счастье, его печаль и боль, и убеждение в том, что и горе, и печаль, и любовь — счастье жизни, радость жизни — сбывшиеся и несбывшиеся. Мечтаю о свободном жанре, о его течении, подчиняющемся толь-

ко желанию воздействовать и быть понятым.

Я влюблен в слово, в литературу. Особенно в ее истоки — сказки, легенды. Они дают художнику жанровую свободу. Я влюблен в поэзию, в музыку, в возможности театра. И, наверное, больше всего я влюблен в актера. Всю жизнь существую на «перепутье»: хочется соединить в одно кино, театр, актерскую работу, режиссерскую, писательскую. Пытаюсь делать это сложное дело.

— Несколько слов о вашей последней работе.

— Фильм «Автомобиль, скрипка и собака Клякса» — это дальнейшее развитие идеи «Айболита-66», когда условное сливается с реальным.

Было мифчество производственных трудностей, ведь кинематограф больше всего зависит от производства. Это то, с чем я не всегда умею справляться. Хотя многое и могу: умею быстро снимать, организовывать людей. Но этого очень мало, чтобы добиться результата. У меня были очень занятые актеры — Николай Гринько, Михаил Козаков, Зиновий Гердт, Спартак Мишулин... Собрать их вместе было очень трудно. У меня первый в мире производственный вариозэкран, который начал еще в «Айболите». У меня 12-летние и 4-летний герои. Кроме того, в фильме участвуют коза, собака, 120 кошек. Попробуйте собрать все это вместе и не забыть, что в фильме с чудесными превращениями, музыка, эксцентрикой есть еще и основная мысль. Очень, на мой взгляд, серьезная. О подростках, их дружбе, рыцарстве, о зерне искусства, заключающем человеческое чувство, и о чувстве, из которого зарождается зерно искусства.

Врла беседу
Светлана СОТСКОВА